

УДК 81'13

DOI: 10.17223/19986645/58/7

В.Е. Чернявская

КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 3.0

Показываются объяснительные возможности корпусного инструментария в дискурсивном анализе. Объектом являются новые функции и идентичность российского университета как проекция социально-политических и экономических условий на цели и модели должного в образовании и науке. Анализ осуществлен на материале текстов миссий российских университетов. Анализ ключевых слов и их контекстного употребления позволил сделать вывод о доминирующих ценностях и идеологических приоритетах, стоящих за использованием языка в текстах миссий.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, корпусные методы исследования языка, университет 3.0, идентичность, миссия университета.

Постановка проблемы

В социогуманитарных исследованиях вообще и в языковедческих в особенности образ объекта и возможные выводы во многом зависят от избранного метода анализа, от исследовательского инструментария. Объективность методов достигается как необходимый баланс между интерпретативными и формализованными подходами к языку, ср.: [1, 2]. Доказательность связывается на современном этапе в том числе и с корпусно-ориентированной парадигмой (corpus-driven paradigm) [3. С. 48]. Соединение инструментария корпусной лингвистики и дискурсивно-ориентированных подходов [4–9] рассматривается как одна из возможностей доказательной лингвистики. В связи с развитием компьютерного инструментария в последнее десятилетие активно реализуются корпусно-ориентированные исследования дискурса (corpus-assisted discourse studies CADS, corpus-informed critical discourse studies CICDA).

Корпусный, корпусно-ориентированный' становятся своего рода зонтичными терминами для обозначения подходов в работе с текстовыми структурами, основанных на количественном анализе представительных массивов данных. Корпусные методы используются для преодоления тенденциозности исследовательских подходов, на которую все чаще в последние годы указывают специалисты, пересматривающие объяснительный потенциал критического анализа дискурса (CDA). Последний критикуется именно в связи с субъективностью, редукционизмом, предзаданностью поиска примет и определенных языковых проявлений в социальных практиках. Дискурсивный анализ объясняет, под влиянием каких внешних, со-

циально детерминированных факторов выбраны и использованы в текстах определенные языковые единицы. При этом эксплицитное анализируется вместе с имплицитным, со скрытыми смыслами. Дискурсивный анализ во многих концепциях имеет критическую интерпретативную направленность, продолжая методологические и целевые установки критической лингвистики (Critical Linguistics). Так, цель критического дискурс-анализа – сделать очевидным и явным идеологический контроль и социальное доминирование в анализе социально-коммуникативной практики. Этой концепции противостоит лингвистика дискурса и «некритически» ориентированный дискурсивный анализ текста в совокупности с его историческим, политическим, социокультурным контекстом и интертекстуальными связями. Оставляя детальный разбор этих подходов за рамками данной публикации (подробнее см.: [10, 11]), подчеркну аспекты, принципиально значимый для современных тенденций в лингвистике. Дискурсивный анализ интерпретативен, реализует контекстуальный подход к тексту. Анализируется прагматический уровень высказываний. Для дискурсивного анализа ключевым понятием является контекст. И именно в связи с операционализацией релевантных аспектов контекста специалисты обсуждают методологические преимущества инструментария корпусной лингвистики применительно к дискурсивному анализу. Критический взгляд на возможности дискурсивного анализа связан среди прочего с тем, что репрезентативность отобранных текстов и их фрагментов может быть сомнительна – объектом анализа часто становятся риторически броские, нарушающие однородный ряд высказывания и потому не репрезентативные для характеристики типичной практики в целом.

Не характеризуя здесь все возможности корпусной лингвистики, укажу, что в рамках дискурсивного анализа продуктивным является изучение контекста с привлечением методов количественного анализа текста. Наиболее подходящими будут составление списка ключевых слов на основе анализа частотного списка и возможность использования инструментов корпуса для исследования контекстов, в которых они встречаются в корпусе. Способность слова быть ключевым определяется через статистически значимую частотность в гомогенном корпусе. Выявление наиболее частотных знаменательных слов позволяет статистически достоверно указать центральные элементы в содержании текста или корпуса и определить их как ключевые по отношению к этому тексту. Корпусная лингвистика показывает главным образом лексический уровень в текстовых структурах, принимает во внимание непосредственное окружение единицы, в смысле – вербальный контекст. Дискурсивный анализ принимает во внимание и объясняет не только то, что выражено, но и то, что не выражено, опираясь на широкий экстралингвистический контекст.

Объектом заявленного исследования является новая идентичность российского университета как следствие меняющихся ценностных и организационных моделей национальной высшей школы, хронологически маркированная периодом с середины 2000-х гг. Изменения интересны как проек-

ция определенных социально-политических и экономических условий в современном российском обществе и доминирующей государственной идеологии на цели и модели должного в образовании и науке. Ключевой фактор, влияющий на характер и интенсивность связей университета и университетской науки с обществом, – усложнение связей между научным поиском, его результативностью и экономической востребованностью и «пользой». Дискуссии о трансформации традиционных функций и задач университета проходят в связи с его «третьей миссией» и университетом 3.0, пришедшем на смену традиционным образовательной и научно-исследовательской (университетам 1.0 и 2.0) миссиям. Обсуждается концепция «академического предпринимательства» и маркетизации университетов [12–15]. **Университет 3.0** должен участвовать в процессах, связанных с технологическим предпринимательством, развитием бизнеса, формированием новых рынков. Функции «третьего университета» находятся в точке пересечения двух различных идеологий и систем ценностей: рыночно ориентированных и традиционных академических.

В анализируемой ситуации трансформаций российских университетов существенным является еще один фактор, а именно отношения между университетом и государством. Главным субъектом мобилизационного форсированного развития общества всегда выступало российское государство. Это суждение применимо и к процессам образования и науки. Указанная выше оппозиция «экономически-ориентированные – академические ценности» может быть расширена для современного российского университета третьим компонентом: университет существует в тесных отношениях с государством. Несмотря на то, что контроль и регулирование осуществляются в рекомендательной форме, как мягкая сила по отношению к системам образования и науки, институциональные отношения с государством, практика менеджериализма, влияющая на функции и идентичность университета и университетской науки, являются важным фактором.

Цель и материал анализа

Цель анализа состоит в том, чтобы определить степень влияния маркетизации и менеджериализма на российские университеты, на их самопрезентацию и ценностные ориентиры. Ставится вопрос о том, как научная деятельность как необходимая составляющая инновационного университета инструментализируется в современном социальном контексте. Для решения этой задачи признается адекватным анализ текстов, вербализующих стратегические цели и миссии российских университетов, опубликованные на сайтах этих университетов. Такие тексты следует рассматривать как языковое выражение соответствующей социальной практики, см.: [16–18]. Миссия университета рассматривается как точка кристаллизации актуальной динамики, а тексты – как адекватное отражение конструируемой средстами языка идентичности. Тексты, выражающие миссии университетов, могут быть проанализированы как особая ценностная форма рефлексии

над наукой, задающая шкалу приоритетов и моделей должного. Они транслируют и воспроизводят в национально-культурном пространстве через научные школы и традиции образования актуальное понимание науки в системе высшего образования. Миссия как модель должного берется во внимание в процессах принятия решений. Чтобы сохранять свое назначение – определять стратегические направления развития и пути достижения цели, миссия должна динамично и гибко реагировать на происходящие в обществе изменения.

В результате анализа должно быть выявлено, как определенные темы и ценности могут выдвигаться в фокус внимания или же не актуализироваться, оставаться нерелевантными в текстах, отражающих стратегическое целеполагание университетов. Миссии университета анализируются не комплексно как речевой жанр, но как репрезентативная текстовая форма дискурсивной практики. Исходной посылкой для анализа является признание того, что идентичность университета и университетской науки конструируются социальной практикой. Интересно выявить, как задаваемая социальными и политическими приоритетами модель должного конструирует образ университета и университетской науки в современном обществе. Анализ также принципиально согласуется с современными тенденциями к изучению социального конструктивизма, когда идентичность рассматривается именно как процесс конструирования идентичности, но не как жесткая категория. Все большая роль в процессе конструирования идентичности отводится языковым средствам (см., например: [18, 19]).

Анализ избранного объекта осуществляется как дискурсивный анализ с опорой на корпусный инструментарий. Применение корпусного инструментария представляется адекватным и информативным исходя из специфики материала анализа – текстов миссий. Миссия как тип текста декларативна, во многом однозначна и эксплицитна. «Традиционные» методы стилистического и риторического анализа не вполне информативны из-за стандартизованности риторических средств, равно как и прагма-семантический анализ высказываний в смысле вывода импликатур, пресуппозиций не показателен в силу эксплицитности и четкости формулировок миссии. Применение корпусного инструментария позволяет установить ключевые слова, типичные для текстовой структуры, и сделать заключения о доминирующих приоритетах и ценностях, опираясь на устойчивые, часто встречающиеся сочетания слов и их контекстное употребление. Корпусный инструментарий в дискурсивном анализе расширяет его объяснительные возможности в той мере, в какой количественная подтверждаемость показывает достоверную эмпирическую основу для обобщений.

В статье, во-первых, рассматривается социополитический контекст, в который включены трансформации российских университетов с середины 2000-х гг. как необходимая основа дискурсивного анализа. Во-вторых, представляются результаты анализа текстового корпуса, включающего тексты миссий, опубликованные на сайтах российских национальных исследовательских и федеральных университетов.

Социальный контекст: университет и университетская наука в обществе

Университет, несмотря на то, что решает универсальные задачи, в значительной мере чувствителен к внешним трансформациям и национально-специфическому контексту. В XX–XXI вв. в мировом пространстве вообще и в советском, постсоветском, российском пространстве в частности университеты были арендой и генератором для многих социальных экспериментов и изменений (см., например: [20–22]). Формирование идентичности академической профессии связано с социальным позиционированием университета. Идентичность университета складывается как отражение определенной социальной практики и социальной группы, продвигающей и легитимирующей эту практику. Одновременно университет – коллективная институциональная форма социальной деятельности, он не только отражает и выражает существующую практику, но способен быть инструментом конструирования этой практики. Находясь в точке кристаллизации процессов, связанных с человеком, производством, потреблением, идеологией, университетская идентичность и его ценностная ориентация имеют воздействующий, социально-конструктивный эффект. Подход к образованию и науке как к деятельности в социальном контексте задает перспективу предпринятого анализа.

В России с середины 2000-х гг. проводятся реформы высшей школы, которые имеют цель стимулировать исследовательскую активность университетов, усилить их научный профиль и международную заметность. Произошло усиление и закрепление иерархии российских университетов. В современной России существуют ведущие привилегированные университеты: национальные исследовательские университеты, федеральные университеты и университеты с особым статусом – МГУ и СПбГУ. Государство инициировало целевую поддержку ведущих вузов, конкурс национальных исследовательских университетов, программу международной конкурентоспособности «5-100-2020», предусматривающую достижение рядом российских университетов наивысшего уровня международной заметности в ключевых рейтингах. Главным изменением стало внедрение управленческих практик организации, контроля, оценки (рейтинга) результативности и эффективности российской науки. К науке применяются критерии эффективности и измеряемости. Предполагается управление университетом методами, схожими с управлением коммерческой организацией и бизнес-проектами. Стала внедряться и активно практиковаться организационная модель, в которой основным понятием в определении должного является эффективность университетской науки.

Происходящие трансформации и новая управленческая идеология по-новому фокусируют тему автономии и ответственности университета перед обществом в контексте понятий «институциональная автономия» и «академическая автономия». Эти понятия не тождественны. Академическая автономия понимается в первую очередь как персональная, индивиду-

ализированная свобода мысли, как право выбора направлений исследований и публикаций, изучаемых курсов, траектории обучения и интеллектуального развития применительно к студентам и ученым без неоправданного вмешательства и цензуры со стороны внешних неакадемических инстанций. В таком смысле университеты понимаются как пространство интеллектуальной свободы, научного диалога.

Институциональная автономия измеряется как организационная, в том числе финансовая самостоятельность в выборе сотрудников, рабочих программ, направлений развития по отношению к государству. Принципиально значимо, что институциональная автономия не гарантирует сама по себе академических свобод исследователям внутри университетской корпорации. Существование и поддержка академической свободы в названном выше понимании не означает свободу реализации (всех и любых) дисциплинарных исследований в рамках университета. Институциональная автономия не означает свободу университета и находящихся внутри него от общества, наоборот, это подразумевает ответственность и отчетность перед обществом. Тема автономии или отчетности университета перед обществом дополнительно заостряется тем обстоятельством, что управленческий аппарат и административная элита могут быть в значительной мере настроены на маркетизацию и контроль, а не на традиционные академические традиции (ср.: [23]). Верным представляется в этом контексте утверждение, что борьба за автономию не ограничивается отношениями между университетом и государством, но переходит на отношения между теми, кто управляет университетами и академическим составом, что особенно заметно в эпоху менеджериализма и централизации власти. Управленческая элита высшей школы может ограничивать и ограничивает академические свободы через снижение финансирования отдельных преподавателей и исследователей, не разрешая отдельные дисциплины и области академического интереса и/или разрешая их многообразие («The higher education elite can and does limit academic freedom by under-resourcing subjects for teaching and research, disallowing particular disciplines and fields of scholarly engagement and/or sanctioning dissent») [24. P. 3].

Университеты, участвующие в государственных программах, например «5-100-2020», фактически заключили контракт с государством на выделение значительных ресурсов при условии выполнения новых обязательств и тем самым ограничили свои индивидуализированные академические свободы. Степень притяия регулирования и включенности в государственную политику может быть разной и является здесь объектом аналитического осмысления в связи с тем, что заявляется и фокусируется в текстах миссий. Собственно, миссия университета как особый тип текста оформилась именно в связи с закреплением нового статуса и рейтинга университетов к середине 2000-х гг. Сформулированность миссии является показателем участия университета в инновативных процессах.

Методы и процедура анализа

Для анализа отобраны тексты, опубликованные на сайтах 29 российских национальных исследовательских и 10 федеральных университетов. Дата обращения январь – март 2017 г. Объем выборки около 6000 словоупотреблений. Была применена следующая процедура анализа:

1. Отбор материала. Рассмотрены англоязычные разделы университетских сайтов, содержащие формулировки миссий, стратегического целеполагания университетов. В ряде случаев на сайте не представлен раздел с названием «Mission; Vision & Values», соответствующее содержание при этом дано в разделах «About the University»; «Education and Research». Англоязычные сайты частично отличаются от русскоязычной версии сайта по объему и содержательному наполнению. Англоязычные тексты миссий показательны в связи с политикой интернационализации российских университетов, позиционирующих себя в мировом научно-образовательном пространстве.

2. Инструменты анализа. Анализ осуществлялся с применением инструментов корпусного менеджера AntConc – Word List, Concordance и Collocates, что позволило анализировать состав частотного списка, ближайшее окружение и сочетаемость слов в корпусе. В таблице представлены 37 лексем (с рангом 1–37 после удаления стоп-словаря, абсолютная частота (Freq) в корпусе не менее 3), с опорой на которые можно назвать приоритетные темы в формулировках миссий. Интерпретация их ближайшего окружения и контекстного употребления в выборке позволила сделать вывод о доминирующих ценностях и идеологических приоритетах, стоящих за использованием языка в тестовых структурах. Анализ выделенных контекстов осуществлялся с опорой на прагма-семантические методы анализа.

3. Полученные результаты. Выявлены лингвистические средства, в том числе типичные, регулярно повторяющиеся, которыми конструируется университетская идентичность и понятие «университетская наука». Заключение, полученные в результате анализа, можно представить на двух уровнях обобщения: относительно самопрезентации российского университета в обществе; относительно роли науки в стратегическом целеполагании университета и основных характеристик университетской науки, конструирующих ее идентичность на современном этапе.

Интерпретация результатов

Университет определяет направление своего развития в меняющемся социальном контексте. Это маркирует одно из ключевых слов *development* (Rank 3, Freq 38), третий ранг в частотном списке после *university* (Rank 1, Freq 90) и *research* (Rank 2, Freq 78).

В десять самых частотных слов входят также существительные и прилагательные, семантика которых связана с образованием *education* (Rank 4, Freq 38), *educational* (Rank 7, Freq 35). Научные исследования представля-

ются как приоритетные в самопрезентации профиля университета: наряду со вторым по частотности словом *research* это маркируется частотностью прилагательного *scientific* (Rank 5, Freq 35) и существительного *science* (Rank 9, Freq 24).

Фрагмент частотного списка корпуса (после удаления стоп-словаря)

Rank	Freq	Word	Rank	Freq	Word
1	90	university	19	11	national
2	74	research	20	11	region
3	38	development	21	9	economy
4	38	education	22	8	projects
5	35	scientific	23	8	society
6	34	russian	24	7	applied
7	25	educational	25	6	achievements
8	24	international	26	6	business
9	24	science	27	6	leaders
10	21	russia	28	5	companies
11	19	new	29	5	competitive
12	18	economic	30	5	cultural
13	17	world	31	5	scientists
14	16	engineering	32	5	social
15	15	leading	33	4	culture
16	14	knowledge	34	4	markets
17	13	global	35	3	competitiveness
18	13	state	36	3	economics
			37	3	effective

Интерпретация контекстов в выборке миссий показывает, что в представлении институциональной идентичности российского университета на первый план выходят две основополагающие характеристики: университет – государственная институция; университет – инструмент влияния на все общество.

Государство вступает в отношения с университетом и университетской наукой в следующих основных формах: как гарант правовых основ функционирования общества и, следовательно, научной деятельности, как основной источник финансирования образования и науки, как основной потребитель научно-технической продукции, как координатор при определении приоритетных направлений научных исследований. Наконец, государство – это субъект политического и общественного влияния, способный направлять и определять отношение общества к образовательным и научно-исследовательским целям. В силу этого государственный университет и, значит, университетская наука являются объектом государственного регулирования и попечительства. В формулировках миссий университет представляет себя как активно действующего в интересах государства. В заявляемых миссиях университетская идентичность выражается как идентичность включения, а именно как идентичность включения в госу-

дарственную деятельность. Это выражается определенно и эксплицитно. При этом фокусируется совпадение ценностных ориентиров университета и интересов государства. В этой связи показательны коллокации и контексты (конкордансы) слов *mission*, а также *goals*, *objectives (of the university)* в аналогичном значении. Это, во-первых, глагольные и именные конструкции с семантикой осознаваемых обязательств по отношению к государству: *take responsibility*; *provide assistance to the state*; *serve (the interests of Russia)*; *contribute*; *contribution*. Во-вторых, это глаголы, существительные с семантикой активных действий: *actively participate*, *strive*, *promote*, *energize*, *strengthen*, *reinforce*, *enable*. В-третьих, обращают на себя внимание лексемы, эксплицитно указывающие на взаимодействие университета с политикой государства или его отдельного региона, которые обнаруживаются в непосредственных правых окружениях ключевого слова *mission*: *strengthen the Russian contribution to the economic development of the Asian-Pacific region*; *contribute to the growth of socio-economic potential of the regions*; *contribute to major national economic projects located in Eastern Siberia*; *integrate university research into Russian economic development*; *serve the basis for the economic development*; *an arena for economic development of the country*. Коллокаты слева от *mission*, такие как *overall*, *primary*, усиливают значение активности действий и их приоритетности для университета. Примеры широких контекстов с ключевыми словами в корпусе:

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University strives to take maximum responsibility for implementing the national policy for higher education... Polytechnic University sees its overall mission in ensuring its continued competitive advantage in... providing reliable assistance to the state in reinforcing the economic power and international presence of Russia (СПбПУ). Our overall mission is to energize and improve people's lives in Russia and globally (МИФИ). The priority objectives of the University are: to serve the interests of Russia, to promote the development of its intellectual potential through the production of new knowledge and advanced training of the scientific and pedagogical, managerial, and cultural leaders of the society... (ТГУ). Siberian Federal University as a response to regional development challenges was established in 2006... Its primary purpose is to enable leading industries in Russia and Siberia to compete internationally and to strengthen the Russian contribution to the economic development of the Asian-Pacific region (СФУ).

Согласно другой характеристике институциональной идентичности университет – это среда формирования всего общества, а не только отдельной профессиональной страты. В этой связи показательно семантическое окружение ключевого слова *development*. Его сочетаемость показывает, что миссия университета, его образовательная и научная деятельность становятся инструментом развития государства / региона, его экономического, культурного роста. Контексты в корпусе: *to participate in the development of the economy on the basis of*; *being of great importance to the development of the Russian society*; *promotion the development of a civil society based on*; *willing to propel Russia's economic development to the next level*; *our*

University has shaped the development of Kazan and the Volga region; to improve the development of local industry; serving the basis for the economic development; integrate university research into Russian economic development. При формулировании назначения университета в современном обществе типичны такие сочетания, как *maintain the Russian civil identity, development of civil society based on strong democratic traditions, an arena for intercultural dialogue, educate broad-minded cultural individuals*. Частота в корпусе таких языковых единиц, как *Russian* (Rank 6, Freq 34), *Russia* (Rank 10, Freq 21), *state* (Rank 18, Freq 13), *region* (Rank 20, Freq 9), усиливает образ университета как части национальной политики вообще.

Ключевым понятием в создании образа университета является лидерство. *Leading* (Rank 15, Freq 15) входит в 15 самых частотных слов, достаточно представлено в выборке и существительное *leaders* (Rank 27, Freq 6). Риторика лидерства создается за счет частотных сочетаний с лексемой *leading*, таких как *leading university* (Freq 4); *leading research* (Freq 3); *leading scientists* (Freq 2), и единичных: *leading force* (Freq 1); *leading arena* (Freq 1) при описании университета. Лидерство в формулировках миссии используется как характеристика выпускников и будущих специалистов, например, в таком контексте: *advanced training of specialists who are leadership-oriented in their fields* (ТГУ). Идея лидерства выражается через называние имен знаменитых выпускников, состоявших на государственной службе в современной России. Позитивный контекст и позитивные цели лидерства создаются связью с созидательными, культурно и экономически значимыми целями, повышающими качество жизни людей.

Основная характеристика российских университетов, прочитываемая в формулировках их миссий, связана не только с лидерством в национальном пространстве, но и с лидерством в мире. В миссиях обозначается цель лидерства для университета – мировой уровень. Частотность в корпусе языковых единиц *international* (Rank 8, Freq 24), *world* (Rank 32, Freq 17), *global* (Rank 17, Freq 13) выражает приоритетность этой темы для конструирования университетской идентичности. Типичные сочетания: *on the international academic market; to raise the university's international profile in terms of teaching and research; in reinforcing international presence of Russia; purpose is to enable leading industries in Russia and Siberia to compete internationally; in Russia and globally, compete globally, compete internationally, across the world, among the world, in the world, join the world rankings, ranking among the world*.

Примеры широких контекстов: *Ural Federal University was established... as one of the global leaders in the sphere of education, innovation and research* (УрФУ). *The strategic goal of MEFPhI is to become a global leader in education, science and innovation... providing a significant contribution to the innovation-driven growth and the competitiveness of leading Russian high-tech companies in global markets.* (МИФИ). *Siberian Federal University is dedicated to establish itself as a world-class, competitive university that undertakes to make a research and contribution to the international distinction for Siberia's benefit* (СФУ).

Анализируя далее контексты, выражающие характеристики и цели научной деятельности внутри университета, можно констатировать неразрывную связь обучения, науки и инновационной деятельности. Содержательное единство этих понятий выражается семантически и риторически как регулярно повторяющаяся, устойчивая триада «образование – наука – инновации / research, education and innovation». При этом наука инструментализируется как основа лидерства университета в российском обществе и в мире. Слова *science*, *research* сочетаются с языковыми единицами, указывающими на качество, приоритет, превосходство: *high-quality*, *best*, *excellence*, *top level*, *world-class*, *world' best*, *world level*.

Позиционирование университетской науки, как и позиционирование университета, связано с ключевым понятием лидерства. Мировой уровень университетской науки и производимого ею знания называется фактором конкурентоспособности и лидерства университета в России и в мировом пространстве, с одной стороны, что обеспечивает мировое лидерство России как государства – с другой.

Целью университетской науки заявляется производство и распространение нового знания. *Knowledge* является одним из частотных слов (Rank 16 Freq 14) корпуса. Обновление, развитие, приращение знания фокусируется как главная задача университетской науки. Это подтверждает сочетаемость ключевых слов *knowledge*, *research*, *scientific* и *new*, одного из самых частотных слов в корпусе (Rank 11 Freq 19) в формулировках *new research areas*, *new scientific areas*, а также сочетаемость лексем *production*, *generation*, *generate* и *knowledge* в формулировках *production of new knowledge*, *knowledge intensive production*, *generate new knowledge generation of new knowledge*. Фокусируется прорывной инновативный характер научной деятельности как ее обязательная характеристика в новых условиях, что подтверждается сочетаемостью *breakthrough*, *cutting-edge*, *innovative*, *newer*, *advanced*, *pioneering research/knowledge*.

Обращает на себя внимание, что университетская наука идентифицируется как преимущественно целевая и прикладная. В этой связи показательны коллокации справа от *research*, а именно языковые единицы *applied research* (Freq 5), *fundamental and applied research* (Freq 4) и коллокации слева от *science – technology* (Freq 4), *high technology* (Freq 3), *engineering* (Freq 3), подчеркивающие результативный, технологичный характер науки как ее желаемой характеристики.

Примечательно, что научная деятельность оказывается в контексте с понятиями «экономическая целесообразность» и «состязательность». При формулировании научного профиля университета используются лексика, типичная для маркетингового дискурса. Частотны прилагательное *economic* (Rank 11, Freq 17), существительные *project* (Rank 22, Freq 8), *economy* (Rank 21, Freq 8), *business* (Rank 26, Freq 6), *companies* (Rank 28, Freq 5), *market* (Rank 34, Freq 4); прилагательное *effective* (Rank 37, Freq 3). Для формулировок, конструирующих образ науки и научных исследований, характерны следующие сочетания с ключевыми существительными *sci-*

ence, research: by completing projects; development projects; disciplinary projects; economic development projects; implementation of major projects; implemented national projects; major national economic projects; many projects; multi-disciplinary projects; scientific and innovation projects; projects commissioned. Также показательна сочетаемость *research* с языковыми единицами *economic output, economic benefits*, за счет чего конструируется имидж научных исследований как экономически востребованных и целесообразных. В этой связи показательна также частая сочетаемость справа от *research: competitive research* (Freq 4), *globally competitive research* (Freq 3), а также сочетаемость *intensification of research, lead research*. Появление таких языковых единиц, как *competitive* (Rank 30, Freq 5), *competitiveness* (Rank 36, Freq 3), показывает, что университет существует в условиях состязательности и осознает эту состязательность. Контекст состязательности поддерживают и усиливают низкочастотные языковые единицы *priority, advantage* при описании научного профиля и результатов деятельности. Например: *Many projects by our staff found commercial application (ИТМО). By commercializing research innovations and forecasts, and by completing projects commissioned by state institutions, state-owned companies and private business, the HSE has become one of the largest research and innovation centres in the country... (ВШЭ). National Research nuclear University MPhI is a research and educational center... where world's best tech experts excel in creating applicable science, boost economic output in various fields (МИФИ).*

Возможно наблюдать перенос критериев экономической целесообразности, конкурентоспособности на академическую науку. Качество научного исследования определяется критериями его приоритета, применимости в экономике, причем желаемая результативность определяется внешним заказчиком: государством, регионом. Современная наука – это те исследования, которые пересекаются с определенным государством перечнем перспективных и критических направлений. В конструируемом образе науки фокусируется не поисковый характер, но ее технологичность как определенность результата.

Интерпретируя результаты анализа, нужно принять во внимание следующее. Для миссии университета характерна декларативность заявляемого содержания и эксплицитность текстовых значений. При этом эксплицитность заявляемых понятий и связей между ними не сводит анализ только к дескрипции и механической фиксации некоего содержания. Анализ дает возможность наблюдать и оценить объективированное в текстах содержание. Невыраженность определенных понятий, аспектов содержания может быть интерпретирована как неактуальность, нерелевантность таких понятий и аспектов в доминирующей дискурсивной практике. Анализ показывает, что тексты миссий однородны и стандартизированны. Это отражается в однородности тематических компонентов и типичности ключевых слов. Отметим в этой связи языковые единицы, которые нечастотны в выборке и создают некоторую оппозицию для тематических приоритетов, выраженных наиболее частотными словами. Это, во-первых, существи-

тельное *reputation* (2 употребления) и причастия *reputed* (1 употребление) и, во-вторых, прилагательное *independent* (1 употребление). Соответственно, контексты употребления: ...the advantages of studying at SFedU...: a leading position in the area of innovations and research; integration of research into education; a winning combination of fundamental and applied research; highly *reputed schools of thought*... SFedU history dates back to 1915, and since then the university has gained a strong *reputation* for the achievements of its faculty and researchers, as well as students and graduates... The global strength of our *reputation* and qualifications... (ЮФУ). The highest priority of the University is to educate broad-minded, cultured individuals capable of *independent scientific* and philosophical accomplishments (ТГУ).

Эти слова апеллируют скорее к академическим ценностям в духе императивов научного этоса, нежели к риторике маркетизации и менеджериализма. Их нечастотность в выборке создает определенный риторический контраст с прочими формулировками и может рассматриваться как свидетельство в пользу дискурсивного единообразия миссий. Императивы научного этоса, как известно, неcodифицируемы и эмпирически не фиксируются, но имеют значение как теоретический конструкт, задающий идеальные регулятивы честной научной деятельности и ее ценностные и мотивационные предпочтения, которым человек науки следует добровольно. Динамика представлений о предписанном бескорыстии, личной незаинтересованности, независимости исследователя, организованном скептицизме при выборе направлений исследований является предметом анализа в социологии науки (см., например, [25], там же обзор специальной литературы). Зафиксированы показательные точки осмысления трансформаций сложившихся «ментальностей» и «образов науки». Например, социологический мониторинг (1994–2004 гг.) профессиональной деятельности ученых в ведущих российских академических институтах естественно-научного профиля выявил очень высокую долю ученых с устойчивой ориентацией на образец социального поведения ученого в духе научных императивов, ср. вывод по результатам мониторинга: «Поразительно, но... все еще существует бескорыстное стремление к открытию нового знания... Независимо на катастрофическое снижение социального престижа избранной ими сферы деятельности, они неизменно сохраняли преданность науке и научным ценностям в их мертоновском понимании» [Там же. С. 25]. Исследованные тексты миссий демонстрируют дискурсивное единообразие в том, что выдвигают в прагматический фокус социально конструируемые и социально контролируемые модели должного человека науки.

Выводы

Проанализированные миссии университета – один из типов текстов, репрезентирующих происходящие трансформации идеологических и ценностных подходов к роли университетов в обществе. Разумеется, академические процессы и образ науки несводимы к тому, что зафиксировано в миссиях университета. Отмеченные характеристики в способах осмысле-

ния университетской науки отчасти идут от типологической специфики текста – миссия декларативна, коллективна, выражает «корпоративный дух». Одновременно с этим представляется возможным говорить о миссии как показательном отражении динамики общественных процессов и точке фиксации произошедших трансформаций. В проекции включенности университета во властные отношения на стороне государства миссия приобретает роль «входного фильтра» по отношению к тем ценностям, которыми руководствуется университет. Миссия – это модель должного и одновременно сценарий тех действий, которые приведут к реализации должного развития университета. В дискурсивно-аналитическом аспекте следует говорить не только и не столько о риторических эффектах использования языка, сколько о формировании и воспроизводстве определенных социально задаваемых представлений. Языковые структуры действуют как социально конструктивные в том смысле, что создают своего рода рамочное пространство вокруг однородных идей и смыслов.

Выявление ключевых слов с опорой на корпусную методику позволяет связать лингвистический уровень анализа и явления на макроуровне социальных процессов. Можно констатировать включенность университета в практику маркетизации, взаимовыгодных отношений с бизнес-структурами. Очевидно, что основной декларируемой характеристикой университета является то, что университет – партнер на стороне государства. Выражается настроенность на общие с государством ценности и приоритеты. Современный российский университет позиционирует себя как лидер в национальном пространстве и лидер на мировой арене. Университетская наука инструментализируется – становится инструментом легитимации государственной амбиции и права на лидерство в мире. Позиционирование университета в национальном и интернациональном пространстве сопровождается риторикой превосходства, поддерживающей политическую и экономическую стратегии государства. В системе ориентиров университета «государство – рыночные отношения – академические ценности» последние уходят из прагматического фокуса. Вузовская наука позиционируется не как пространство индивидуализированной академической свободы, самобытных, единичных идей и «любопытных одиночек», но как кузница востребованных исследований. Из прагматического фокуса исключаются идеи индивидуализированного поиска, бескорыстия при выборе направлений исследований в соответствии с императивами научного этоса. Они практически не артикулируются как составляющая имиджа науки и университета. Образ университета и университетской науки конструируется как основанный на взаимовыгодных отношениях с государством и бизнесом, на экономических трендах и финансовой успешности.

Литература

1. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84

2. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
3. Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at work. Amsterdam et al. : Benjamins, 2001.
4. Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press // Discourse and Society. 2008. Vol. 19 (3). P. 273–306.
5. Baker P. Acceptable bias? Using corpus linguistics methods with critical discourse analysis // Critical Discourse Studies. 2012. Vol. 9. P. 247–256. DOI: 10.1080/17405904.2012.688297
6. Brindle A. A corpus analysis of discursive constructions of the Sunflower Student Movement in the English-language Taiwanese press // Discourse and Society. 2016. Vol. 27 (1). P. 3–19. DOI: 10.1177/0957926515605957
7. Kyung Hye Kim. Examining US news media discourses about North Korea: A corpus-based critical discourse analysis // Discourse and Society. 2014. Vol. 25 (2). P. 221–244. DOI: 10.1177/0957926513516043
8. Samaie M., Malmir B. US news media portrayal of Islam and Muslims: a corpus-assisted Critical Discourse Analysis // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 1. P. 1–16. DOI: 10.1080/00131857.2017.1281789
9. Камшилова О.Н. LC-технологии в исследованиях освоения языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2014. № 168. С. 103–110.
10. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 34–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37
11. Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) Methoden der Diskurslinguistik. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2008.
12. Clarc B.R. Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation. Oxford : Pergamon, 1998.
13. Deem R. «New Managerialism» and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom // International Studies in Sociology of Education. 1998. Vol. 8, № 1. P. 47–70.
14. Kerr C. The Uses of the University. Cambridge, Mass. : Harvard University Press. 2001.
15. Schulte P. The entrepreneurial university: a strategy for institutional development // Higher Education in Europe 2004. Vol. 29, № 2. P. 187–191.
16. Kirk C.M. Nexus: Mission critical—higher education for the 21st century // Planning for Higher Education. 2000. Vol. 29. P. 14–22.
17. Morphew C., Hartley M. Mission statements: A thematic analysis of rhetoric across institutional type // The Journal of Higher Education. 2006. Vol. 77 (3).
18. Молодыхенко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312
19. Молодыхенко Е.Н. Аксиология дискурса консьюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 108–133.
21. Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41–64.

22. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 16–32.

23. Henkel M. Academic Identity and Autonomy in a Changing Policy Environment // Higher Education. 2005. Vol. 49, № 1/2. P. 155–176.

24. Lynch K., Ivancheva M. Academic freedom and the commercialisation of universities: a critical ethical analysis // Ethics in Science and Environmental Politics. 2015. Vol. 15. P. 1–6. DOI: 10.3354/esep00160

25. Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Вопросы философии. 2005. № 1 (11). С. 11–28.

Сокращения

ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ИТМО – Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

МИФИ – Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

СПбПУ – Национальный исследовательский Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

СФУ – Сибирский федеральный университет

СКФУ – Северо-Кавказский федеральный университет

ТГУ – Национальный исследовательский Томский государственный университет

УрФУ – Уральский федеральный университет

ЮФУ – Южный федеральный университет

Corpus-Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 58. 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7

Valeria E. Chernyavskaya, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tchernyavskaia@rambler.ru

Keywords: discourse analysis, corpus-based language studies, identity, university 3.0, university mission statement.

This article explores a trend in the modern Russian higher education system where universities are collaborating with state, industry and civil society to advance sustainable transformations. With empirical evidence, the author argues that this could be interpreted as a new mission for the university. The study seeks to add to the international debate on the third University mission.

The analysis is conducted in a methodological framework combining corpus linguistics methods and approaches of discourse analysis. The study is twofold. First, this article will follow the question how corpus techniques contribute to discourse linguistics and discourse analysis and in a broader dimension to evidence-based interpretation of linguistic facts. The analysis undertaken is within a methodological framework that is interested in using discourse analysis to uncover the socio-cultural, political, ideological loads upon text structures. The framework itself is in line with recent trends towards corpus-assisted discourse analysis. The corpus linguistic techniques can identify discursive devices that are repeatedly used. From this perspective, the transformation of the university and its mission in modern Russian society are discussed. Second, the article reflects contemporary changes of institutional models of higher education towards 3.0 and 4.0. Based on the mission statements of leading Russian universities, the author discusses how certain values can be foregrounded or backgrounded in texts representing self vision and strategic goals of contemporary universities.

The study showed that the discourse analysis in combination with corpus-based methods was an appropriate method to identify new significant features of the Russian university as a

reflection of social changes and transformation moving towards model 3.0. We can see the growing orientation of Russian universities towards an international scale and a leading role on the global arena. The rhetoric of the free market, leadership and international excellence is established in academic discourse and is a part of higher education research. The basic functions are connected with implementing the national policy for economic development, social constructive role, innovative research, breakthroughs, commercial application of research. The university mission statements reflect a tendency to discursive uniformity and standardization. Within its mission statements, the Russian university discursively constructs its identity as a significant part of the state system, as business-facing and business-friendly, competitive, leading globally. Results could be tied to further social and cognitive research of identities and their construction in and through discourse.

References

1. Belyaeva, L.N. & Chernyavskaya, V.E. (2016) Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 77–84. (In Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
2. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9
3. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at work*. Amsterdam et al.: Benjamins.
4. Baker, P. et al. (2008) A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourse of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse and Society*. 19 (3). pp. 273–306. DOI: 10.1177/0957926508088962
5. Baker, P. (2012) Acceptable bias? Using corpus linguistics methods with critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*. 9. pp. 247–256. DOI: 10.1080/17405904.2012.688297
6. Brindle, A. (2016) A corpus analysis of discursive constructions of the Sunflower Student Movement in the English-language Taiwanese press. *Discourse and Society*. 27 (1). pp. 3–19. DOI: 10.1177/0957926515605957
7. Kyung Hye Kim. (2014) Examining US news media discourses about North Korea: A corpus-based critical discourse analysis. *Discourse and Society*. 25 (2). pp. 221–244. DOI: 10.1177/0957926513516043
8. Samaie, M. & Malmir, B. (2017) US news media portrayal of Islam and Muslims: a corpus-assisted Critical Discourse Analysis. *Educational Philosophy and Theory*. 1. pp. 1–16. DOI: 10.1080/00131857.2017.1281789
9. Kamshilova, O.N. (2014) LC-Technologies in Language Acquisition Studies. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 168. pp. 103–110. (In Russian).
10. Chernyavskaya, V.E. (2018) Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 34–37. (In Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37
11. Warnke, I. & Spitzmüller, J. (2008) *Methoden der Diskurslinguistik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
12. Clarc, B.R. (1998) *Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation*. Oxford: Pergamon.
13. Deem, R. (1998) “New Managerialism” and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom. *International Studies in Sociology of Education*. 8 (1). pp. 47–70.
14. Kerr, C. (2001) *The Uses of the University*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

15. Schulte, P. (2004) The entrepreneurial university: a strategy for institutional development. *Higher Education in Europe*. 29 (2). pp. 187–191.
16. Kirk, C.M. (2000) Nexus: Mission critical—higher education for the 21st century. *Planning for Higher Education*. 29. pp. 14–22.
17. Morphew, C. & Hartley, M. (2006) Mission statements: A thematic analysis of rhetoric across institutional type. *The Journal of Higher Education*. 77 (3).
18. Molodychenko, E.N. (2017) Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 8 (3). pp. 122–133. (In Russian). DOI: 10.18721/JHSS.8312
19. Molodychenko, E.N. (2015) Axiological dimension in the discourse of consumerism: the role of evaluative language in the lifestyle genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. Dmitriev, A.N. (2013) Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiyskogo universiteta pervoy trety XX veka) [Statuses of knowledge (on social markers of the evolution of a Russian university in the first third of the 20th century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 4 (122). pp. 108–133.
21. Dmitriev, A.N. (2013) Pereizobretenie sovetskogo universiteta [Reinventing the Soviet University]. *Logos*. 1 (91). pp. 41–64.
22. Abramov, R., Gruzdev, I. & Terent'ev, E. (2016) Trevoga i entuziazm v diskursakh ob akademicheskom mire: mezhdunarodnyy i rossiyskiy konteksty [Anxiety and enthusiasm in discourses about the academic world: international and Russian contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 2 (138). pp. 16–32.
23. Henkel, M. (2005) Academic Identity and Autonomy in a Changing Policy Environment. *Higher Education*. 49 (1/2). pp. 155–176.
24. Lynch, K. & Ivancheva, M. (2015) Academic freedom and the commercialisation of universities: a critical ethical analysis. *Ethics in Science and Enviromental Politics*. 15. pp. 1–6. DOI: 10.3354/ese00160
25. Mirskaya, E.Z. (2005) R.K. Merton i etos klassicheskoy nauki [R.K. Merton and the ethos of classical science]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1 (11). pp. 11–28.